

— Да, я этого не заслуживаю. — Чжоу Цзихэн опустил голову и сделал полшага назад. — Как актёр, я не могу вести себя лучше перед тобой, говоря, что хочу, чтобы ты сделал это для меня... Но я не могу даже сделать интимное движение. В моём положении я действительно не заслуживаю играть с тобой.

Без какого-либо эмоционального опыта он чистый лист бумаги. Когда он сталкивается с таким противником, как Ся Сицин, он может манипулировать им только по своему желанию.

Но, честно говоря, даже если им манипулировали, у него не было никаких жалоб, он был счастлив. Чжоу Цзихэн сжал кулаки обеими руками и снова отпустил:

— На самом деле, я никогда не думал о том, чтобы подшучивать над тобой. Я просто хочу знать...

Я действительно хочу знать, какое место я занимаю в твоём сердце.

Я действительно хочу знать, могу ли я тебе хоть немного понравиться.

Я действительно хочу знать... Как давно ты понял, что ты мне нравишься, и думал о том, когда от меня избавиться.

—извини. — Чжоу Цзихэн вытер лицо. — Мне жаль, я допустил ошибку в этом вопросе сегодня. Я не мог отказать Сун Нянь. Честно говоря, делая это, я тоже изрядно мучаю себя. — Он глубоко вздохнул, и сердитое выражение на его лице исчезло без следа. Он улыбнулся. — Ты свободен, ты можешь делать всё, что захочешь.

Просто моё проклятое чувство собственности мучает меня, это не твоя вина.

Раньше его сердце было мрачным лесом.

После того, как мне понравился Ся Сицин, этот лес был в огне. Пламя бушевало, и дым валил клубами. Какой бы мощной ни была пожарная команда, он был беспомощен перед лицом такого пожара. Я мог только наблюдать, как пламя распространяется, пока оно не превратилось в мёртвую золу.

Он думал, что сможет вовремя остановиться, но обнаружил, что пути назад нет.

Увидев улыбку на лице Чжоу Цзихэна, сердце Ся Сицина внезапно сжалось. На самом деле он не хотел видеть Чжоу Цзихэна таким. Он даже не понимал, почему тот сказал такие резкие слова, чтобы взволновать его. Он казался другим человеком.

Если бы его заменил какой-нибудь маленький любовник, который намеренно разыгрывал перед

ним спектакль, Ся Сицин пожал бы ему руку и ушёл, чтобы разорвать отношения. Он бы не сказал ни слова. Он также знал, что Чжоу Цзихэн вообще не сделал ничего существенного, он даже не прикоснулся к Сун Нянь.

Он просто проверяет.

Когда он узнал, что Чжоу Цзихэн испытывает самого себя, в глубине души он скорее испугался, чем разозлился.

Страх быть замеченным явно привёл в действие механизм самозащиты, заставив его слишком остро отреагировать.

Ся Сицин попытался заговорить, но это было чрезвычайно трудно:

— Я...

После долгого ожидания Чжоу Цзихэн не стал дожидаться слов Ся Сицина, его сердце просто высоко следило за каждым его движением, а затем тяжело упало.

— Ты не хочешь прощать меня сейчас, всё в порядке. - Чжоу Цзихэн даже не осмелился прикоснуться к Ся Сицину. Сначала это было из-за игры, но теперь это из-за чувства вины, из-за страха более сильного сопротивления Ся Сицина. — Прости, не сердись, я просто продолжал чувствовать, что ты немного...

Плохо себя чувствуешь.

Прежде чем были произнесены эти три слова, Ся Сицин, который опирался спиной на сушилку, почти не останавливался. Он подпёр раковину рукой, прежде чем взяться за неё. Чжоу Цзихэн поднял его с глухим стуком, и ему было на всё наплевать. Он прямо держал Ся Сицина в своих объятиях, и Ся Сицин использовал всю свою силу, чтобы уйти. Толкни его, ты вообще не можешь его оттолкнуть.

Только тогда Чжоу Цзихэн почувствовал исходящий от него ненормальный жар. Он отпустил его руки и потянулся, чтобы исследовать лоб Ся Сицина.

Он уклонился от него. Не было никакого способа, поэтому Чжоу Цзихэн мог только обхватить его сзади за шею и прижаться к нему лбом.

— Какое-то время меня видели другие... Я увидел это.

Чжоу Цзихэн был так встревожен, что почти рассердился на него, но вскоре снова подавил свои эмоции и смягчил голос:

— Это большое дело – сделать заголовок сплетни, если тебе всё равно.

Мне всё равно.

Ся Сицин не говорил и не сопротивлялся.

Чжоу Цзихэн полизал его нос и отнял лоб:

— У тебя температура, давай вернёмся в отель.

— Я мужчина. Простуда и лихорадка – это несерьёзное заболевание. Я всё ещё в отдельном месте. Я просто позвоню Сяосяо.

Чжоу Цзихэн просто не расслышал эту фразу и продолжал говорить себе:

— Ты всё ещё можешь ходить? Забудь об этом, не уходи. Я несу тебя. – С этими словами он присел на корточки перед Ся Сицином. — Поднимайся, давай вернёмся.

Он также думал, что больные люди очень хрупкие, и ему не следует проявлять такую жесткость.

Поэтому он снова повернул голову и посмотрел на Ся Сицина:

— Поднимайся.

У Ся Сицина кислый нос. Почему этот человек должен снова и снова терпеть его подлость и абсурд? Чем больше он это делает, тем больше ему становится ненавистно и грустно.

Он намеренно не раз заставлял Чжоу Цзихэна ревновать, в результате чего Чжоу Цзихэн терял должное спокойствие и самообеспечение.

Чжоу Цзихэн просто хотел знать, что у него на сердце, поэтому его так пытали.

Он наклонился, обнял Чжоу Цзихэна за спину, пошёл на компромисс с ним и с самим собой.

Руки Чжоу Цзихэна, обхватившие его спину, крепко обхватили его бедра и понесли на спине.

Ся Сицин уткнулся головой в шею Чжоу Цзихэна.

Эта песня действительно была спета для меня самого.

Не позволяйте ему быть избалованным, не полагайтесь на него.

Легко сказать.

Ся Сицин никогда раньше ни от кого не получал столько любви, настолько, что с самого начала думал, что, если однажды, Чжоу Цзихэн больше не захочет его, что ему делать.

Если бы это было раньше, он всё ещё мог бы жить так, как будто ничего не произошло, потому что его никогда раньше не любили.

Но теперь, когда он явно был любим, как он может притворяться, что его никогда раньше не любили.

Как я могу спокойно это потерять?

— Извини, я плохо заботился о тебе, когда ты был болен. — Чжоу Цзихэн вошёл в лифт, держа его на спине. — Я действительно...

— В наших отношениях ты не обязан заботиться обо мне.

Я боюсь, что слова «неквалифицированный» более уместны.

Чжоу Цзихэн опустил голову и сказал с улыбкой:

— Кто сказал, что в этом нет необходимости, даже если я друг, я должен позаботиться о твоей болезни. Если это не поможет, мы теперь коллеги...

У Ся Сицина пронзило всё тело, очевидно, эти слова были произнесены им самим. Цзихэн сказал это, но он не знал почему, но ему было так неудобно.

Цзихэн нёс его всю дорогу вниз. На этот раз они ехали на обычной машине. Чжоу Цзихэн сам взял ключ, посадил Ся Сицина на место второго пилота, пристегнул его ремнём безопасности, взял с заднего сиденья термос, отвинтил крышку и протянул ему:

— Пей. Это горячая вода.

Чжоу Цзихэн сел на водительское сиденье, затем протянул руку и коснулся лба Ся Сицина:

— Ты сильно вспотел. — Он взял маленькое одеяло с заднего сиденья и накрыл тело Ся Сицина, закрыв за ним окно машины.

Это одеяло выглядело очень знакомым, Ся Сицин сделал глоток горячей воды, и его память вернулась в густой туман.

Оказалось, что когда он днем спал в раздевалке, это было одеяло Чжоу Цзихэна.

Отель находится недалеко от KTV, в десяти минутах езды. По дороге Чжоу Цзихэн позвонил директору Куну и сказал им, что отправляет Ся Сицина обратно отдыхать.

Он повесил телефон, случайно загорелся красный свет, и машина медленно остановилась, ожидая на перекрестке.

— Мне очень жаль.

Ся Сицин внезапно извинился, Чжоу Цзихэн был поражён и внезапно повернул голову, чтобы посмотреть на него.

— Я... — Ся Сицин крепко сжал стенку чашки рукой поджав губы, — Я знаю, как больно то, что я сделал.

Чжоу Цзихэн никогда не думал, что Ся Сицин будет чувствовать себя виноватым перед ним:

— Нет, всё в порядке. Раз я сказал, что могу это вынести, значит, я должен быть в состоянии это сделать, иначе я этого не скажу. — Светофор сменился, и он нажал на педаль газа. — И я завёл его первым. В конце концов, я сделал это сам.

Ся Сицин опустил брови. Если бы сегодня они разорвали ему лицо, у него могло бы полегчать на сердце. Но подобный компромисс Чжоу Цзихэна опечалил его.

По пути он почувствовал слабость, и его восприятие затуманилось. Он не просыпался, пока Чжоу Цзихэн не положил его на кровать. Он наблюдал, как Чжоу Цзихэн укрывает его одеялом, и каждый уголок одеяла был плотно подоткнут и герметичен.

— После того, как ты выпил вино, теперь ты не можешь небрежно принимать лекарства. — Он достал термометр из аптечки, дважды встряхнул его и завернул в одеяло.

— Возможно, немного ледяной.

Увидев, как Ся Сицин хмурится у термометра, сердце Чжоу Цзихэна внезапно превратилось в

лужицу воды, и ему просто захотелось обнять его и не отпускать.

Измерив температуру, он пошёл принять ванну с холодной водой, намочил полотенце, насухо отжал его, сложил и положил на лоб Ся Сицина.

— Всё должно быть в порядке. — Ся Сицин сам достал термометр, Чжоу Цзихэн взял его и посмотрел, его сердце сильно упало.

— Всё в порядке, всё в порядке, 37,7 градуса, низкая температура, низкая температура. — Пробормотал он себе под нос, ставя термометр на стол, — Иначе это не сработает без приёма лекарств.

Ся Сицин наблюдал, как он мечется, как безголовая муха, чувствуя себя ещё более неуютно.

— Я часто болел, когда был ребёнком.

Произнеся вступительное слово, Ся Сицин не смог удержаться от смеха над собой в глубине души. Действительно ли простуда и лихорадка могут быть использованы как оправдание слабости?

Но Чжоу Цзихэн просто держал его за руку таким образом, стоя на коленях у края кровати и мягко глядя на него, он не мог вынести разговора обо всём этом.

— Однажды я горел так сильно, что не мог говорить, но мне всё равно пришлось идти на художественный банкет, потому что моя мать пообещала другим взять меня с собой.

Каждый раз, когда Ся Сицин говорил о прошлом, его глаза бессознательно опускались, как будто закрыта дверь, боясь быть замеченной другими. Что было скрыто внутри.

— На самом деле мне очень неудобно. Разве кости по всему моему телу не болят, когда у меня жар? Я просто плакал, моя мать вначале уговаривала меня и говорила, что приведёт к врачу, как только всё закончится. Но я всё ещё продолжал плакать, плакал так, что другие смотрели на меня, она чувствовала, что я не показываю ей лицо, и чувствовала, что ей стыдно.

Его ресницы слегка дрогнули, заставив сердце Чжоу Цзихэна дрогнуть.

Чжоу Цзихэн нежно поцеловал тыльную сторону руки Ся Сицина, а затем нежно потёр её большим пальцем:

— Сколько тебе тогда было лет?

Ся Сицин вздохнул носом:

— Я не могу вспомнить, наверное, я ходил в детский сад? Начальная школа? В любом случае, довольно маленький. — Он поднял лицо к потолку и тихо усмехнулся. — С тех пор я никому не рассказывал и не причинял неприятностей другим, когда был болен. Пока я не могу умереть, это не имеет значения.

То, как он сказал это, точно такое же, как у Цзян Туна в сценарии.

Чжоу Цзихэн сел на край кровати, и Ся Сицин немедленно повернул его лицом в другую сторону. Он не возражал, но крепче сжал его руку.

— Если ты болен, о тебе следует позаботиться. — Он снял полотенце со лба Ся Сицина, опустил его в прохладную воду и снова намочил, отжал и осторожно приложил ко лбу. — Это не ты ошибаешься, это твои родители.

Ся Сицин промолчал, он чувствовал, что был слишком своеволен.

Острейший шип вонзился в массу мягкой плоти, и он не вздрогнул, но стерпел боль и аккуратно завернул свой шип.

В конце концов шипы и мягкая плоть срослись, и их нельзя было ни вытащить, ни разрезать.

Его веки были слишком тяжелыми, чтобы поднять их, но он почувствовал, как пара рук крепко держала его за руку, и он не отпускал его, пока не погрузился в тёплый омут грёз.

Посреди ночи Ся Сицин проснулся от жары. Когда он открыл глаза, он обнаружил, что Чжоу Цзихэн крепко обнимает его поверх одеяла, вероятно, пинает его по одеялу и простудился, крепко прижимая к себе.

Ся Сицин немного пошевелился, Чжоу Цзихэн даже не открыл глаза, он уже дотронулся рукой до лба Ся Сицина, а затем прислонился к нему лбом, всё ещё ошеломленно бормоча:

— Назад, назад...

Его рука слегка хлопнула Ся Сицина по спине, как будто это было инерционное движение.

— Хороший мальчик...

Вскоре движения его рук постепенно замедлились и, наконец, успокоились.

Когда он, наконец, погрузился в свой сон, Ся Сицин осмелился самонадеянно взглянуть ему в лицо, и его слёзы потекли без предупреждения.

Он крепко обнял Чжоу Цзихэна и тихо заплакал в его объятиях.

Зачем позволять себе почувствовать вкус того, что тебя любят.

Этот рецепт, который был прописан Чжоу Цзихэном, ничем не отличается от яда.

Чжоу Цзихэн был разбужен будильником в пять часов утра. Время его прерывистого сна составило всего два или три часа, но утром всё ещё предстояло снимать сцену, и выхода не было.

Ся Сицин всё ещё спал после того, как спала лихорадка. Чжоу Цзихэн сел у кровати и долго смотрел на него, и, наконец, тихо поцеловал в кончик его носа, прежде чем решился уйти.

Когда Ся Сицин проснулся, всё его тело чувствовало себя намного комфортнее, и он чувствовал себя немного в оцепенении, когда впервые оправился от серьёзной болезни. Он наблюдал, как Сясяо хлопчет в комнате, и помогла ему открыть крышку консервированной яично-мясной каши:

— Это всё ещё немного горячо. Немного остудите, а затем съешьте, иначе у вас будет горло горячим. - Сясяо пожаловалась ему в нескольких словах. — Я боялась, что ты заболеешь, но ты всё равно заболел. Цзихэн сказал, что ты пойдёшь к врачу и получишь лекарство, если ты поспишь.

— ...он ушёл?

— Сцена в пять часов утра. - Сясяо открыла чемодан из комнаты Ся Сицина. — Что тебе надеть? Я достану его для тебя.

— Всё в порядке.

Ся Сицин сел на кровати, в его сердце было пусто. Он знал, что Чжоу Цзихэн собирается сниматься, но ему всё равно было грустно, когда он проснулся и не смог увидеть его.

Когда он стал таким?

Прибыли и убытки.

На следующей неделе они оба поддерживали прежние отношения. Сун Нянь по-прежнему с

энтузиазмом приходила к Чжоу Цзихэну, но он отказывался. У неё было не так уж много сцен. В лучшем случае, это была неудачная первая любовь Гао Куна.

«День, когда она закончила свою юность» оказался сценой плача Чжоу Цзихэна, и это также была его единственная сцена плача во всём сценарии.

Это была сцена, где Гао Кун признался Линлин, что он болен.

В этом разделе режиссёр использовал ручной снимок крупным планом, чтобы запечатлеть выражение лица Гао Куна.

— Ты... Что, чёрт возьми, с тобой не так? Что ты на это скажешь? - Выражение лица Линлин было немного нетерпеливым. — Что ты подразумеваешь под постоянными колебаниями?

Глаза Гао Куна блеснули, он облизал сухую нижнюю губу и сказал глухим голосом:

— Я...

Казалось, ему также не нравился быть таким трусом, как он сам, он стиснул зубы и говорил просто, чётко выговаривая каждое слово, как будто ожидая конца героической жертвы.

— Спид. У меня Спид.

Другая камера была направлена на Линлин. Она нахмурилась, сначала не убежденная, а затем рассмеялась:

— Нет, ты что, издеваешься надо мной? Как ты мог...

— Когда берут кровь, игольчатая трубка... игольчатая трубка загрязнена дважды. - Гао Кун опустил голову. — Если я солгу тебе одним словом, в небе прогремит гром.

Линлин ничего не сказала. Она опустила голову и прикоснулась к сигарете. Она дрожала рукой и долго нажимала на зажигалку. Она не могла зажечь огонь. Гао Кун попытался сделать шаг ближе, но она слишком остро отреагировала и отступила.

— Не подходи ко мне. - Она бросила зажигалку на землю, и дым повалил из её пальцев. — Когда ты это проверил? На этой неделе? Или на прошлой неделе? - Она обхватила себя обеими руками. — Ты ведь не передашь это мне, правда? Мы тоже не были в постели, просто целовались. Это не должно быть заразно, это определенно не будет...

Она разговаривала сама с собой, как будто перед ней никого не было, но она снова посмотрела

на Гао Куна сложным взглядом.

— Ты... с этого момента...

Она внезапно не смогла произнести следующие слова, поэтому вообще замолчала и развернулась на своих высоких каблуках.

Звук шагов высоких каблуков по цементному полу был чётким и жестоким.

На самом деле, Гао Кун ожидал такого конца с самого начала, но он всё ещё не хотел лгать ей.

В кадре Гао Кун опустил голову и наступил на зажигалку, лежавшую на земле. Дешёвый пластиковый корпус потёрся о грубый цементный пол, издав резкий звук.

Его брови вот-вот должны были нахмуриться, и он был решительно отодвинут в сторону, засунув руки в карманы и упрямо ухмыляясь уголками рта.

Предыдущий снимок крупным планом немного отодвинулся, и на снимке постепенно появилось всё его тело. Гао Кун поднял ногу от маленькой зажигалки. Он присел на корточки и поднял её. Он поднял сигарету, которую она бросила здесь раньше, поднёс её ко рту, а затем стал похож на неё. Он нажимал на неё вот так раньше, нажимал несколько раз, и, наконец, возник огонь.

Слабый огонь, мерцающий на ветру, немного поглотил дым, и струйка беспорядочного дыма, наконец, получила шанс вырваться на горизонт.

Гао Кун резко сделал глубокий вдох, его лицо покраснело, и он закашлялся, когда поперхнулся. Чем больше он кашлял, тем сильнее он мог только прикрывать рот.

Дым перед камерой постепенно рассеялся, внезапно хлынули слёзы, и крупные капли упали на землю. Светло-серая земля пропиталась жидкостью и приобрела тёмный цвет, похожий на пятна на старой одежде, которые невозможно было удалить.

Его плечи неудержимо тряслись, слёзы текли по всему лицу.

Подняв руку, чтобы вытереть это, он сделал ещё один вдох, выдыхая дым как вздох, затем опустил голову и позволил слёзам пролиться.

— ... Разве я только что не научился курить?

Его голос был хриплым, он опустил голову и улыбнулся, его смех был печальным и отчаянным.

— Это довольно просто.

Он зажал сигарету между пальцами и сел на землю ягодицами, уткнувшись головой в согнутые колени, дрожа всем телом.

Сажа падала, как слёзы.

Все на съёмочной площадке молча наблюдали, и никто не произнёс ни слова.

— Снято! - Режиссёр закричал, чтобы остановиться, но Чжоу Цзихэн был уже не таким, как раньше. Независимо от того, насколько эмоциональной была сцена, он мог сразу выйти, но всё было кончено. Он всё ещё сидел на том месте, его плечи всё ещё дрожали.

Когда Кун Чэн узнал, что что-то не так, Ся Сицин был рядом с ним. Естественно, он был первым, кого спросили:

— Что случилось с Цзихэном в последнее время?

Ся Сицин покачал головой и солгал:

— Я не знаю.

— Ты разлюбил его? - Спросил он. — Разве он не влюблён? - Тон Кун Чэна был тяжёлым. — Я думал, ему придётся долго оттачивать эту сцену. Я видел предыдущие фильмы Цзихэна. Он талантливый человек, но, очевидно, у него нет опыта в любви.

Он улыбнулся:

— Как только он сталкивался с эмоциональной драмой раньше, он снимал её и выходил из этой ситуации. Если это обычные сентиментальные чувства, он всё ещё может использовать свои актёрские способности, чтобы компенсировать это, но ему действительно нужно выплеснуть эмоции, чтобы сыграть большую драму, он не может играть, у него нет таких душераздирающих эмоций, чтобы выплеснуть их.

Кун Чэн посмотрел на экран:

— Итак, я уже говорил, что актёрам всё равно приходится влюбляться, иначе им было бы слишком сложно играть то, чего не существует.

— Он внезапно понял, я действительно этого не ожидал.

Ся Сицин не дослушал что он сказал, и больше не мог слушать:

— Я пойду и повидаюсь с ним.

Как он сказал, он подошёл к Чжоу Цзихэну, который всё ещё сидел на земле. На шаг впереди него была Сун Нянь, которая играла соперника.

— Цзихэн, ты в порядке? - Рот Сун Нянь был полон забот.

Шаги Ся Сицина немного замедлились.

Чжоу Цзихэн всё ещё опустил голову, поднял руку и помахал, как бы отказываясь, Сун Нянь не решалась поднять его, протянула тонкую руку, всё ещё держа сигарету кончиками пальцев, схватив Чжоу Цзихэна за руку.

Почти на мгновение Чжоу Цзихэн поднял голову.

Он знал это лучше, чем кто-либо другой, кто держал его, и он не мог поверить в это больше, чем кто-либо другой.

Ся Сицин присел на корточки перед Чжоу Цзихэном, раздавив окурочек на земле, протянул руку и похлопал Чжоу Цзихэна по спине:

— Почему ты, как ребёнок, без конца плачешь. - Сказав это, он снова коснулся затылка Чжоу Цзихэна. — Это так печально.

Чжоу Цзихэн редко получает от него такие утешения, и слёзы снова выходят из-под контроля, что действительно смущает.

Ся Сицин почти забыл, что Чжоу Цзихэн изначально был ребёнком без опыта, а у некоторых было только страстное и искреннее сердце, но каким бы нетерпеливым ни был Акаги, бывали моменты, когда он вздрагивал от холода.

Он повернул голову и мягко улыбнулся Сун Нянь:

— Он может чувствовать себя немного подавленным, когда ты здесь. Всё в порядке, через некоторое время он будет в порядке.

Сун Нянь очень хорошо знала о таком очевидном выселении, и она тоже улыбнулась:

— Тогда я пойду туда первой. Я закончу это сегодня, а вечером поужинаем вместе.

Как только Сун Нянь ушла, Ся Сицин протянул руку и обнял Чжоу Цзихэна, касаясь его головы и безжалостно смеясь:

— Дети так плачут.

Первоначально Чжоу Цзихэну было очень стыдно, но Ся Сицину пришлось посыпать его рану солью. Чтобы спасти свою самооценку, он должен был ответить:

— Ты тоже так плакал.

Ся Сицин был захвачен врасплох. Он думал, что плакал в объятиях Чжоу Цзихэна в день лихорадки и был обнаружен им. Он внезапно оттолкнул Чжоу Цзихэна:

— Ты не спал в тот день?

— Что проснулся... - Чжоу Цзихэн вытер лицо. — Я не пьян, это ты пьян, ты пьян, обнимаешь меня и плачешь, всё время плачешь.

Пьяный? Ся Сицин нахмурился, разве он не сказал в тот же день:

— Когда?

— В тот день, когда Сижуй пил с нами водку, после записи шоу. - Чжоу Цзихэн также заметил, что что-то было не так. — В противном случае, как ты думаешь, в какой день?

Ся Сицин уклонился от этой темы, чопорно притянул Чжоу Цзихэна к себе, достал влажную салфетку и бросил ему в руки:

— Вытри это сам.

— От слёз у меня болит голова. - Чжоу Цзихэн поднял голову и сжал виски.

Ся Сицин внезапно обнаружил, что на безымянном пальце левой руки у него простое серебряное кольцо, которого у него раньше не было.

Он хотел спросить, но снова заколебался.

— Директор ждёт, ты поторопись.

Сун Нянь - персонаж, который приходит и уходит. Съёмочной группе она нравится. Когда она

была маленькой, помощник режиссёра специально купил для неё большой торт, чтобы отпраздновать.

Ся Сицин вернулся в фургон, чтобы переодеться перед ужином. В машине никого не было. Он закрыл дверь и не включил свет. Внезапно он услышал что-то снаружи машины, как будто это были Сяо Ло и Сяосяо.

— Эта песня Нянь действительно лишает дара речи. Это горячий поиск, купленный их командой, и там есть эти маркетинговые цифры. Почему она такая бесстыдная? У кого с ним роман? Как мы можем быть с ней, если мы из одной семьи...

— ТССС! Ты можешь говорить потише и не позволяй Цзихэну услышать это, и кому ещё. Сестра Цзян Инь обязательно разберётся с этим вопросом. Это всё тривиальные вопросы. Что это?

Ся Сицин без разбора надел футболку на голову, достал свой мобильный телефон и отправился прямо на Weibo.

[Чжоу Цзихэн и Сун Нянь влюблены друг в друга из-за драмы!? Выпущены ли все виды парных предметов stone hammers?]

Такого рода титульная вечеринка... Он кликнул и взглянул. Это было не что иное, как одежда и обувь того же стиля, а также скриншоты видео, на котором они в последний раз ужинали вместе. Большинство из них были вырваны из контекста.

Независимо от того, насколько сильно Ся Сицин напортачил, он очень хорошо знал, что Чжоу Цзихэн не имел никакого другого значения для Сун Нянь.

Когда его пальцы скользнули к последнему снимку, рука Ся Сицина остановилась.

Это было обычное серебряное кольцо, которое он нашёл только сегодня утром.

Соответственно, Сун Нянь однажды опубликовала платиновое кольцо аналогичного типа на своем Weibo, но дата была уже в прошлом месяце.

Ся Сицин снял свой мобильный телефон и внезапно открыл дверцу машины, напугав Сяо Ло и Сяосяо, которые всё ещё стояли в дверях, широкой улыбкой.

— Сицин, Сицин? Ты находился в машине?

— В чём дело? Почему ты здесь?

Ся Сицин снял наушники и притворился, что ничего не знает:

— Ребята, давайте поедим. – Сказав это, он сам направился к большой армии. По дороге он встретил маленькую девочку из группы реквизита.

Она мило улыбнулась Ся Сицину.

— Сицин, пойдёшь ужинать?

— Ну, – Ся Сицин также вежливо улыбнулся и помог ей с большой сумкой реквизита. После того, как они прошли бок о бок два шага, он внезапно кое-что вспомнил. — ... Кстати, Сяо Мэн, ваша группа отвечает за самостоятельное хранение реквизита. Кто этот человек?

Ещё не стемнело, Ся Сицин придумал предлог, чтобы сбежать с банкета Цинцин. Надев маску, он в одиночку обошёл узкое и многолюдное сообщество Хуанли. Чжоу Цзихэн сделал несколько телефонных звонков, и он ответил текстовым сообщением, в котором говорилось, что ему нужно кое-что сделать, и он пошёл искать своих бывших одноклассников.

Он говорил бесчисленное количество лжи, но теперь он обнаруживает, что у него всё меньше и меньше возможностей лгать, особенно когда он сталкивается с Чжоу Цзихэном.

Знойная температура искажала эмоции. Проходя мимо старого видеомagasина, он заметил, что качество звука из динамиков снаружи было очень низким, но звучащие песни были приятными на слух, по крайней мере, не такими, как у партнёра по кадрилиному танцу на гнилой улице.

Ся Сицин некоторое время стоял в дверях, глядя на пёстрые плакаты на стене, и слова песни смутно и ясно доносились до его ушей.

[Кто бы ни сделал мою карьеру крайне подавленной, открыв дверь райской симфони, я настоял на том, чтобы исполнить половину своих хитов, достаточно жестких, чтобы быть самодовольным]

Он опустил голову.

Чжоу Цзихэн лично открыл для него симфоническую дверь, ведущую на небеса. Но он не осмелился вмешаться, ему там было не место.

Повернувшись в его сторону и бесцельно кружась, окруженный повсюду фейерверками, он был единственным, кому было холодно.

Если бы Чжоу Цзихэн не встретил его, он, возможно, всё ещё был бы тем талантливый и

счастливым актёром, неспособным выразить горе потери.

Если бы только он мог принять это смело, с уверенностью, он мог бы спастись, не теряя сознания.

Но всё это связано с разделением части вашего тела, это слишком сложно.

Каким-то образом он зашёл в водопропускную трубу, которая, казалось, была заполнена водой, и поблизости никого не было. Ся Сицин поднял глаза. Эта водопропускная труба отличается от всех водопропускных труб в Хуане. Её верхняя крышка сделана не из железобетона, из-за которого не видно неба, а из мятно-зелёного пластикового навеса, и это также безжалостный солнечный свет, падающий сверху и преломляющийся в красивый зелёный цвет, похожий на сон.

Ся Сицин закатал штанины брюк и вошёл внутрь, словно ребёнок, привлечённый прекрасной сказкой, шаг за шагом приближаясь к сокровищам в пещере.

Романтичный свет мятного цвета окутал его, и стены в водосточной трубе тоже были сине-зелёными, сливаясь с солнечным светом, который изменил свой блеск.

Ся Сицин был удивлён, что такой красивый туннель был скрыт в этом хаотичном и многолюдном месте от внешнего мира. Красота цвета заставила его временно забыть о стоячей воде на земле и первоначальном намерении прийти сюда.

Внезапно он услышал какой-то звук и уже собирался надеть маску.

Только для того, чтобы обнаружить, что из-за угла туннеля вышел не кто-то другой.

Это был Чжоу Цзихэн, который был не менее удивлён.

— Почему ты здесь?

На расстоянии двух или трех метров Чжоу Цзихэн издали посмотрел на него. Икры их обоих были погружены в стоячую воду, и рябь на воде тянула их обоих, становясь единственной опорой.

Его собственная низменная ложь была настолько разоблачена, что Ся Сицин не смог удержаться, склонил голову и ошарашенно улыбнулся. Через некоторое время он снова поднял голову:

— Я не хотел идти на банкет в Цинцин и ходить вокруг да около.

— Ты также не хочешь меня видеть?

Ся Сицин кивнул, не солгав.

Чжоу Цзихэн горько улыбнулся, посмотрел на полупрозрачную крышу водопропускной трубы, и мятный закат осветил его лицо:

— Я открыл для себя это место на прошлой неделе. Оно очень красивое, правда? Мне станет лучше, как только я войду.

На прошлой неделе...

— Когда я был ребёнком, моим любимым местом был аквариум. Прогуливаясь по туннелю аквариума, я чувствовал себя таким же, как те рыбы, и мог свободно плавать в море. — Улыбка в уголках рта Чжоу Цзихэна постепенно разгладилась. — Я не был там долгое время, и я не смог ходить туда небрежно в будущем.

Он опустил голову, чтобы посмотреть на Ся Сицина:

— Тебе не кажется, что это место очень похоже на туннель аквариума?

Ся Сицин промолчал, он не знал, что ему следует сказать.

— Это здорово. Только мы двое туристы.

— Ну...

У Чжоу Цзихэна странная проблема. Когда ему грустно, он говорит что-то сумбурное и не имеющее границ. Эта проблема давно была обнаружена Ся Сицином. Он просто пытается отвлечь его внимание.

— Вы должны были слышать о коте Шредингера, — Чжоу Цзихэн действительно снова начал свои обычные старые проблемы, — Вы должны знать. Но на самом деле, у всех есть непонимание этой теории. Люди всегда понимают кота Шредингера как двухкатегориальный выбор, А или не-А. На самом деле, это не так. Это состояние суперпозиции, это А и не А, точно так же, как у кота, которого он держал в коробке, его состояние — это не жизнь или смерть, а жизнь и смерть. Если он не откроет окно для подтверждения, это состояние суперпозиции не разрушится.

Ся Сицин опустил голову и спокойно слушал его, как очень компетентный слушатель.

— Когда я впервые узнал об этой теории, какова была моя первая реакция, вы знаете? - Он сделал паузу, не дожидаясь ответа Ся Сицина. — Я думаю, что этот кот такой жалкий. Если бы это был я, я бы не хотел класть его туда, но если бы его положили, я бы также не хотел открывать коробку, чтобы убедиться, выжил ли он.

Он внезапно горько улыбнулся:

— Конечно же, когда подошла моя очередь, я действительно не осмелился открыть его.

Ся Сицин слегка нахмурился, подняв глаза, чтобы посмотреть на него.

— Если я не открою эту коробку, я могу притвориться, что он жив, и таким образом поддерживать внешнее счастье. - Чжоу Цзихэн облизал пересохшие губы. — Мы всегда будем в ловушке этого состояния суперпозиции. Ты можешь любить меня, а можешь и нет. Короче говоря, никто не знает результата. Если мои чувства просто останутся на уровне симпатии, я останусь в этом состоянии суперпозиции до тех пор, пока мы счастливы, когда мы вместе. Мне нравится твой талант, твоя хитрость и стиль уголков твоих глаз и бровей. Твоих недостатков, твоего прошлого и даже двусмысленности между тобой и другими недостаточно, чтобы повлиять на меня.

Ся Сицин увидел это ранним утром, но сердце Ся Сицина не смогло сдержать трепет, когда он услышал, как он сказал это лично.

— Но нет, я не могу контролировать сумасшедший рост наших отношений. Он сам превратился в любовь, и тогда я ничего не мог поделать. Я начал ревновать, злиться и бояться. Я прятался в страхе, боясь, что ты узнаешь, что я о тебе думаю, что потом ты оттолкнёшь меня, развернувшись, подойдя к следующему человеку. Я прятался до тех пор, пока не потерял чувство меры, и не стало никакого способа продолжать прятаться.

Его эмоции становятся всё тяжелее и тяжелее, ему трудно говорить:

— Знаешь, я действительно думал об этом не раз, было бы здорово, если бы ты был просто безжизненной вещью, такой как картина или скульптура, которая стала бы моей частной собственностью, чтобы я не боялся.

— Эти тёмные стороны настолько ужасны, что превратили меня в другого живого человека. - Чжоу Цзихэн с трудом улыбнулся. — Это начало мучить меня и вынудило меня мучить тебя. Я больше не хочу, чтобы так продолжалось.

Его шаги ступали по стоячей воде, и звук текущей воды эхом отдавался в пустой трубе. Рябь слой за слоем толкала ноги Ся Сицина, пытаясь заставить его отступить.

Он должен отступить, он должен убежать.

Но Ся Сицин оставался неподвижен.

Его мысли вращались очень медленно.

Он не хочет продолжать в том же духе, что ты имеешь в виду...

Ты хочешь покончить с этим? Наконец, я больше не хочу это терпеть.

— Я хочу, чтобы это состояние суперпозиции рухнуло прямо сейчас. - Чжоу Цзихэн встал перед ним и обнял его за плечи.

В этот момент Ся Сицин пожалел, что не оглох, лучше всего было ничего не слышать.

Оказалось, что он тоже не осмелился открыть крышку.

— Ся Сицин, я люблю тебя. - Последние лучи мятного заката упали на его лицо, и он рассмеялся. — Коробка открыта.

— Это довольно просто.

Это выражение и тон такие же, как у Гао Куна, который заставил себя закурить.

Когда заходящее солнце село, водосточная труба начала немного темнеть.

Ся Сицин всё ещё опустил голову. У него не хватило смелости произнести свой ответ. На самом деле, в глубине души он не знал ответа. Всё, что промелькнуло в его голове, было прошлым. Эти травмы появлялись постоянно, разрушая уверенность в себе, которую он, наконец, приобрёл.

— Я не жду твоего ответа. - Чжоу Цзихэн коснулся его макушки, его тон был таким нежным.

Его рука снова опустилась, но Ся Сицин схватил её. Чжоу Цзихэн был немного озадачен:

— В чём дело?

Ся Сицин дотронулся до кольца на его левой руке, и Чжоу Цзихэн уклонился от него. Он поднял голову:

— Я спросил об украшении. Он сказал, что это кольцо не для Гао Куна. Почему ты хочешь его носить?

— Нет, это... - Глаза Чжоу Цзихэна были немного хитрыми, и Ся Сицин ещё больше убедился в существовании проблемы.

— В чём ты виноват?

— Я этого не делал. - Чжоу Цзихэн быстро возразил, а затем на его лице появилось выражение самоотречения. — Я не виноват.

Он вздохнул, снял кольцо, вытянул руку и протянул её вместе с кольцом, а затем передал Ся Сицину.

Сначала взгляд Ся Сицина привлекло кольцо, но когда он уже собирался поднять его, он увидел настоящий ответ.

На том месте, где его безымянный палец покрыт кольцом, вытатуирована красная роза.

Узор и выкройка были нарисованы случайным образом им самим с авторучкой в руке, пока он спал.

Ся Сицин недоверчиво поднял голову и увидел уклоняющийся и смущённый взгляд Чжоу Цзихэна:

— Я купил это кольцо на обочине дороги, чтобы скрыть свою татуировку. Боюсь, тебе будет неловко, когда ты это увидишь, но мне нравится эта маленькая роза, и я хочу сохранить её навсегда.

— Я... я знаю, что, возможно, сейчас я тебе не нравлюсь, и ты не можешь полностью поверить в то, что я говорю. - Чжоу Цзихэн выглядел встревоженным, и его речь стала бессвязной. — Я могу, нет, я имею в виду, можем ли мы попробовать это, если тебе это действительно не нравится, ты можешь сделать это в любое время...

Прежде чем он закончил говорить, в стоячей воде на него внезапно наступила пара ног.

Голос Ся Сицина был приглушённым, как будто за долгие годы пропитался каким-то сине-зелёным зельем.

— Здесь темно. - Ся Сицин поднял голову, его глаза загорелись, как будто он был залит лунным светом. — Обними меня.

Чжоу Цзихэн был вне себя от радости, и его беспокойное сердце было готово разорваться. Он крепко обнял Ся Сицина и прижал его к себе, как будто боялся, что тот снова пожалеет:

— Ты, ты имеешь в виду...

— Да. - Ся Сичин уткнулся головой в ключицу Чжоу Цзихэна. — Я могу вернуть это в любое время и в любом месте, это нормально?

— Можно! - Чжоу Цзихэн был счастлив, как ребёнок, и снова чуть не заплакал. — Конечно, конечно.

Видя его таким счастливым, Ся Сичин снова начал сомневаться в себе:

— Возможно, я всё ещё не смогу преодолеть это, я никогда по-настоящему не был влюблён ни в кого другого...

— Я тоже. - Чжоу Цзихэн поцеловал его в макушку. — Давай попробуем это вместе.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284218>